

УДК 94 (470)

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ КАВКАЗ В ПОЛИТИКЕ РОССИИ, ИРАНА И ТУРЦИИ (1804–1813 ГГ.).

Махмудова К.З.

*Грозненский государственный нефтяной технический университет
им. акад. М.Д. Миллионщикова, Грозный, e-mail: kems@bk.ru*

Предметом исследования является политика России, Ирана и Турции по отношению к Северо-Восточному Кавказу в 1804–1813 гг. Целью подготовки статьи является исследование исторических событий на Северо-Восточном Кавказе в начале XIX вв. в контексте российской, иранской и турецкой политики. В работе анализируются роль и место Чечни и Дагестана в системе международных отношений Российской империи, шахского Ирана, султанской Турции в 1804–1813 г. Теоретико-методологическая база исследования включает в себя совокупность общенаучных и специально-исторических методов. Система изложения, обобщения и анализа материалов предусматривала многофакторный подход к трактовке различных теоретико-методологических схем. В статье подвергаются анализу этнополитические, социально-экономические, конфессиональные факторы, повлиявшие на ход исторических событий и таким образом представляющие народы Северо-Восточного Кавказа не как объект, а как субъект исторических событий и процессов 1804–1813 гг. Автор указывает на исторически прогрессивное значение присоединения народов Северо-Восточного Кавказа к России, но подчеркивает двойственное значение Гюлистанского мирного трактата 1813 г. между Россией и Ираном, согласно которому Дагестан был присоединен к России.

Ключевые слова: Россия, Иран, Турция, Чечня, Дагестан, Гюлистанский мирный договор, внешнеполитическая ориентация, российские войска

THE NORTHEAST CAUCASUS IN POLICY OF RUSSIA, IRAN AND TURKEY (1804–1813)

Makhmudova K.Z.

Grozny State Oil Technical University by Acad. M.D. Millionshikov, Grozny, e-mail: kems@bk.ru

The subject of study is the policy of Russia, Iran and Turkey to the Northeast Caucasus in 1804–1813. To prepare the paper is to study the historical events in the Northeast Caucasus in the early XIX century in the context of Russian, Iranian and Turkish politics. The paper examines the role and place of Chechnya and Dagestan in the international relations of the Russian Empire, Shah's Iran, Sultan's Turkey in 1804–1813. Theoretical and methodological base of the study includes the collection of scientific and special-historical methods. Presentation system, synthesis and analysis of materials included a multifactorial approach to the treatment of a variety of theoretical and methodological schemes. In this article are analyzed ethnopolitical, socio-economic, religious factors that influenced the course of historical events, thus representing the peoples of the North-East Caucasus, not as an object but as a subject of historical events and processes 1804–1813. The author points to the historically progressive role joining the peoples of North-Eastern Caucasus to Russia, but stresses the dual meaning for the people of the North-East Caucasus Gulistan Peace Treaty signed in 1813 between Russia and Iran.

Keywords: Russia, Iran, Turkey, Chechnya, Dagestan, Gulistan peace treaty, foreign policy orientation, the Russian troops

При всем многообразии достойных исследовательского интереса проблем, порожденных долгим и сложным взаимодействием народов Северо-Восточного Кавказа с их соседями: Россией, Ираном и Турцией, на первый план, по мнению автора, выходят отношения народов региона и, прежде всего, Чечни и Дагестана, к внешнеполитическим событиям, сыгравшим в их историческом прошлом огромную роль. Не меньшую актуальность имеет и обозначение места и значения этих народов в мировой и региональной политике России, Ирана и Турции, в конкретном случае, в 1804–1813 гг.

В рассматриваемый период между Российской империей и Персией шла война, которая оказала существенное влияние на внутри- и внешнеполитические события на Северо-Восточном Кавказе. Так, в 1804 г. иранский шах Фетх-Али-хан отправил воззвание к владетелям Дагестана с обещанием изгнать русских до Кизляра. Успехи персид-

ских войск и жесткая политика российского командующего на Кавказе П.Д. Цицианова дали свои результаты – на Северо-Восточном Кавказе была создана мощная антироссийская коалиция в лице влиятельных дагестанских владетелей – Сурхай-хана, Ших-Али-хана, Али-Султана Дженгутайского, эндиреевцев, чеченцев, кабардинцев и др. [8]. В том же 1804 г. генерал Глазенап сообщал об антироссийских восстаниях в Чечне и Дагестане. В конце мая 1804 г. для «устрашения» горцев был направлен отряд подполковника Максимовича, который выступил за Сунжу и напал на три чеченских селения. К 1805 г. набеги чеченцев на Кавказскую линию и ответные вторжения российских войск на равнинные чеченские селения были периодичными. Весной 1806 г. генерал И.В. Глазенап, прибыв в Дагестан, отмечал агитацию шахских эмиссаров в регионе. На первый план в борьбе с российскими войсками с 1806 г. в Дагестане вы-

ходит Сурхай-хан Казикумухский, против которого были выдвинуты отряды во главе с генералом С.А. Булгаковым. Дойдя до Цахура, российское командование потребовало от казикумухского владельца принять российское подданство. Приближавшееся на помощь Сурхай-хану ополчение Ших-Али-хана изменило намерения российско-го командования. С.А. Булгаков, дойдя со своим отрядом до Казикумуха, ограничился принятием Сурхай-ханом присяги на верность России и обещанием казикумухского владельца платить ежегодную дань в 3 тыс. червонцев. [10]

В начале июня 1806 г. новым главнокомандующим на Кавказе был назначен И.В. Гудович, полагавший, что «успокоить и привести в повиновение горские племена легче всего будет мерами кротости и гуманности, нежели оружием» [9]. В июле 1806 г. И.В. Гудович прибыл на Северный Кавказ и начал переговоры с кабардинскими владельцами и чеченскими старшинами. Им был созван съезд старшин 104 чеченских селений, на нем чеченские представители заявили Гудовичу, что недовольство в Чечне и нападение чеченцев на Кавказскую линию порождены притеснениями жителей со стороны местного российского начальства. Гудович обещал разобраться со всеми жалобами чеченцев и потребовал от них прекратить набеги на Кавказскую линию. В ответ на мир и спокойствие на кордонной линии он обещал отпускать чеченцам соль по низкой цене, разрешить им пасти скот в зимнее время на низменностях левобережья Терека, улучшить положение аманатов, прекратить притеснения чеченцев со стороны российских властей, уравнивать их в правах с русскими подданными [6].

Тем не менее, царские власти в условиях войны с Ираном и надвигающейся войны с Турцией, когда русско-турецкий фронт мог открыться и на Кубани, чисто в превентивных и назидательных целях запланировали поход на Чечню. Чеченцы, стараясь избежать похода, пытались использовать влияние кумыкских феодалов для нормализации отношений с кавказской администрацией. Села Большой и Малой Чечни вели переговоры с российскими властями при посредничестве Андреевского узденя Хаджи-Реджаба Кандурова. Одновременно такие же переговоры вели чеченские старшины Бей-Булат Таймиев, Чулик Хандыргей, князя Турловы и Таймазовы [2]. Подобные же переговоры с российской стороной при посредничестве грузинских князей вели в это время ингуши и карабулаки [7].

К сожалению, посредничество кумыкских и грузинских князей, которые пыта-

лись не допустить дальнейшего обострения российско-чеченских отношений, не дало положительных результатов. Бесплодными оказались и переговоры атагинских старшин Цуцу Жанбатырова и Мурза-бека Али-Султанова – поручиков царской армии – с комендантом крепости Владикавказ генерал-майором Ивеличем (декабрь 1806 г.) и с Гудовичем в Тифлисе в январе 1807 г. Переговоры атагинских старшин не могли завершиться успехом, так как к концу осени – началу зимы 1807 г. подготовка к военной экспедиции в Чечню шла уже полным ходом.

Приняв равнинных чеченцев в свое подданство, Россия требовала от них полной покорности. Набеги на Кавказскую линию (в которых мирные чеченцы и не были виноваты) были, с точки зрения царских властей, нетерпимым проявлением непокорности. Командование Кавказской линии считало, что военный погром Чечни прекратит нападения на кордон, обезопасит тыл российских войск в случае похода в Закубанье против турок и укрепит царскую власть на Терско-Сунженской равнине.

Согласно планам кавказского командования, в Чечню одновременно с разных сторон должны были вторгнуться три отряда российских войск. Ни в одной военной экспедиции в Кабарду и Осетию в 1804–1805 гг., в Дагестан в 1806 г. не использовалось одновременно такое количество российских войск. Отсюда видно, что кавказское командование весьма высоко оценивало военные силы чеченцев и придавало этой операции серьезное значение.

Исходя из имперской политики «разделяй и властвуй», И.В. Гудович решил любым путем втянуть в планируемый поход против Чечни и кабардинских феодалов с их ополчением, чтобы поссорить кабардинцев с чеченцами. После долгих усилий начальнику Кабарды генералу Дельпоццо удалось склонить кабардинских феодалов к участию в намечаемом походе против чеченцев. 13 февраля 1807 г. царские войска вторглись в Чечню с целью покорения и наказания чеченцев. Отряд Булгакова, выступивший из Червленной, мог пройти в Большую Чечню только через Ханкальское ущелье, заранее укрепленное чеченцами, у которого 17 февраля произошел кровавый штурм. Штурм окончился победой русских, но с весьма огромными человеческими потерями. В начале марта российские войска двинулись к селению Герменчук, сжигая по пути мелкие аулы. Герменчук, самое большое и богатое селение Чечни, было сожжено, а жители истреблены. Штурм Герменчука закончил экспедицию. Вся Чечня была разо-

рена. И Булгаков, и Гудович отрапортовали в Петербург, что военная экспедиция в Чечню (13 февраля – 18 марта 1807 г.) закончилась полной победой российских войск.

И.В. Гудович обещал атагинским старшинам, поручикам Цуце Жанбатырову и Мурза-беку Алисултанову, что мирные чеченские села будут «пощажены». Однако царские войска на своем пути уничтожили большинство селений Большой и Малой Чечни, в том числе и те, которые считались в российском подданстве с конца XVIII в. и никакого сопротивления не оказывали. Военная экспедиция российских войск в Чечню в 1807 г. не была вызвана антиросийским восстанием со стороны чеченцев, как это было в Кабарде и Осетии в 1804 г. или в Дагестане в 1806 г. Поход в Чечню носил чисто превентивный характер.

С началом российско-османской войны 1806–1812 гг. усиливается идеологическая пропаганда османских эмиссаров на Северо-Восточном Кавказе. На Южный и Северо-Восточный Кавказ Порты посылала фирманы султана, в которых тот призывал всех подняться на «священную войну». Аналогичные воззвания Аббаса-Мирзы и Юсуфа-паши Эрзерумского были перехвачены русскими. Аббас-Мирза в письме к акушинскому кадию информировал его об установлении дружественных отношений между османами и персами, цель которых состояла в изгнании «из пределов Ирана и всех областей Дагестана» российских войск. Обращения с такими предложениями были направлены Сурхай-хану, табасаранскому кадию, обществу Джаро-Белокан и др. [1]

В 1807 г. при прямом участии французской дипломатии шахский Иран и султанская Турция пришли к соглашению о совместных действиях против России в намечаемой военной кампании. В целом конец 1807 г. и начало 1808 г. прошли под знаком дипломатических переговоров как между воюющими сторонами, так и странами, заинтересованными в решении «восточного вопроса». В 1808 г. шахский Иран, как и султанская Турция, внешне придерживаясь условий перемирия, продолжал вести агитацию на Северо-Восточном Кавказе. Так, 10 марта 1808 г. генерал Гурьев, комендант Баку, сообщил командующему российскими войсками о распространении слухов о тайных переговорах персов с «лезгинами».

Итогом антиросийской агитации стала битва у с. Гюйнюк между дагестанскими (20 тыс. чел.) ополченцами во главе с Сурхай-ханом Казикумухским и российскими войсками. В ходе битвы отряды дагестанцев

потерпели поражение, оставшиеся в живых во главе с Сурхай-ханом отступили. В июне 1808 г. казикумухский владетель и Ших-Али-хан обратились к Порте и Персии с призывом не прекращать борьбу против России.

Следуя указаниям иранского шаха, Ших-Али-хан Дербентский вновь принял попытку организовать выступление против российских войск в Дагестане и Азербайджане, но потерпел фиаско. Когда он обратился с призывом к дагестанским и азербайджанским владетелям разгромить небольшой российский отряд, дислоцированный под Кубой, то получил отказ от Сурхай-хана и многих лезгинских старшин [3], следовательно, попытка шаха и султана организовать на Северо-Восточном Кавказе мощное выступление против России в 1807–1808 гг. провалилась.

В январе 1809 г. был подписан англо-турецкий договор, направленный против России. Английская дипломатия одержала еще одну дипломатическую победу, организовав союз Порты с Персией, предусматривавший летом 1809 г. объединение у Ахалкалаки военных сил обоих государств против русских войск на Кавказе. Английское правительство приступило к щедрым субсидированиям антиросийских действий персов, стали поступать средства на Северо-Восточный Кавказ для найма дагестанских ополченцев.

Между тем в конце сентября 1809 г. в Чечню прибыли посланники грузинского царевича Александра, агитировавшие чеченцев воевать против российских войск на Кавказе и предложившие послать свою депутацию к иранскому шаху. Их целью были привлечение чеченцев к союзу с народами Засулакской Кумыкии, Кабарды и Осетии и организация, таким образом, серьезной угрозы военным коммуникациям на Кавказской линии. Чеченские старейшины и муллы решили предварительно согласовать свои действия с кабардинцами. Через возвращавшихся в Персию посланников было передано письмо шаху и царевичу Александру, в котором они уведомляли о намерении воевать против русских войск. Такое же решение приняли и эндириевцы. Изменившаяся расстановка политических сил на Северо-Восточном Кавказе и вокруг него повлияла на казикумухского владетеля Сурхай-хана. Если в конце 1808 г. он начал переговоры с русскими властями об условиях принятия им подданства России, то в июне следующего 1809 г. стал одним из руководителей антиросийского выступления. Используя большие финансовые вливания из шахской казны, ему удалось набрать наемные силы из ранее отказавшихся дагестанских обществ.

К лету 1809 г. в регионе в антироссийское движение включились жители Засулакской Кумыкии, народы предгорного и нагорного Дагестана, Чечни и Азербайджана. Российское правительство, учитывая осложнение обстановки на границах с Османской империей и шахским Ираном, предписало запретить местному населению поддерживать отношения как с Персией, так и с Портой.

В сентябре 1810 г. совместные силы османов и персов были разбиты российскими войсками в сражении под Ахалкалаки, а попытка соединения персидско-османских войск на кавказском фронте осенью 1811 г. была безуспешной.

Одновременно с подготовкой к вторжению на Северо-Восточный Кавказ в 1811 г. иранский шах Фетх-Али-хан и наследник престола Аббас-Мирза отправили свои воззвания к владетелям Дагестана, на которые откликнулись только Сурхай-хан Казикумухский, Ших-Али-хан Дербентский, Акушинский кади, Султан-Ахмед Аварский и др. [4]

В 1811–1812 гг. российские войска одержали ряд побед над персами. Огромное значение для дальнейшего укрепления позиций России на Кавказе имело успешное завершение войны с Портой. Российская армия во главе с М.И. Кутузовым в 1811 г. разгромила на Дунае султанские войска. 28 мая 1812 г. в Бухаресте был подписан русско-турецкий мирный договор, 2-я секретная статья которого давала России право пользоваться участком восточного берега Черного моря на протяжении 2 ч пути к северу от правого берега р. Риони и 4 ч пути к югу от Анапы для выгрузки и провоза военных припасов и снаряжения. Укрепления Редут-кале, Анаклия и Сухум-кале оставались за Россией, а крепости Анапа и Поти снова перешли к Порте.

Подобный неравноправный договор, во-первых, указывает на приобретенную Россией возможность действовать с «позиции силы», а, во-вторых, отражает ее намерения расширять свое присутствие на Кавказе. Бухарестский мир 1812 г., став дипломатической победой России, укрепил ее позиции на Балканах и Кавказе, что имело весьма существенное значение в условиях напряженной внешнеполитической обстановки.

Ряд блестящих побед российских войск над персами в 1811–1812 гг. изменил позицию шаха Фетх-Али-хана, который вынужден был взять под личный контроль ход переговоров между Персией и Россией. Местом проведения был назначен Гюлистан.

Полный текст Гюлистанского мирного трактата был подписан 24 (12) октября

1813 г. Согласно статье 3 Гюлистанского мирного договора признавались за Россией ханства: Карабахское, Гянджинское, Шекинское, Ширванское, Дербентское, Кубинское, Бакинское и Тальшинское – «... с теми землями сего ханства, кои ныне состоят во власти Российской империи. При том весь Дагестан, Грузию с Шурагельской провинцией, Имеретию, Гурию, Мингрелию и Абхазию, равным образом все владения и земли, находящиеся между постановленною ныне границею и Кавказскою линиею, с прикосновенными к сей последней и к Каспийскому морю землями и народами» [5]. Та часть статьи 3, где говорилось об Имеретии, Гурии, Мингрелии и Абхазии, прямо нарушала нормы международного права двусторонних переговоров, так как Западная Грузия находилась в составе Турции, следовательно, эта часть статьи 3 нарушала Бухарестский трактат.

Таким образом, Гюлистанский мирный договор 1813 г. не стал прочным юридическим актом для стабилизации обстановки в регионе и установления дружеских отношений между Российской империей и Иранской державой. Ни Россия, ни Иран не были удовлетворены итогами Гюлистанского мира. Этот договор был заключен без учета политических интересов народов Кавказа, в его подписании не участвовал ни один представитель народов Северо-Восточного Кавказа. Не оспаривая исторически прогрессивного значения присоединения народов Северо-Восточного Кавказа к России, необходимо, на наш взгляд, указать на двойственное значение Гюлистанского мирного договора 1813 г. для северокавказских народов: с одной стороны, он избавил народы Северо-Восточного Кавказа от вторжения персидских войск и прекратил междоусобную борьбу местных владетелей; с другой – подготовил условия для окончательного присоединения местных народов к России и установления над ними колониального гнета царизма.

Список литературы

1. Акты Кавказской археографической комиссии (Далее – АКАК). – В 12 т. – Тифлис, – Т. II. 1866. – С. 427–429.
2. АКАК. – Тифлис, 1873. – Т. III. – С. 663.
3. АКАК. – Тифлис, 1873. – Т. III. – С. 283, 284, 286, 389, 392, 455.
4. АКАК. – Тифлис, 1873. – Т. IV. – С. 559, 630–631, 671, 679, 891–892.
5. АКАК. – Тифлис, 1873. – Т. IV. – С. 722–723, 731–732.
6. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. В 6 т. – СПб., 1887. – Т. V. – С. 29.
7. Колосов Л.Н. Русско-чеченские отношения на рубеже XVIII–XIX вв. // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа. – Грозный, 1982. – С. 309.

8. Муртазаев А.О. Кайтагское уцмийство в системе политических структур Дагестана в XVIII – нач. XIX в. – Махачкала, 2007. – С. 146.

9. Утверждение русского владычества на Кавказе: К столетию присоединения Грузии к России / под ред. В.А. Потто. – Тифлис, 1901. – Т. 3. – Ч. 1. – С. 79.

10. Феодаева Ф.З. Русско-дагестанские отношения во второй половине XVIII – начале XIX в. – М., – 2008. – С. 245.

References

1. Acts of the Caucasian archeografichesky commission. (Further – АКАК). [Akty Kavkazskoj arheograficheskoj komisii. (Dalee – АКАК)]. In 12 t. Tiflis, T.II. 1866. pp. 427–429.

2. АКАК. [АКАК]. Tiflis, 1873. T. III. pp. 663.

3. АКАК. [АКАК]. Tiflis, 1873. T. III. pp. 283, 284, 286, 389, 392, 455.

4. АКАК. [АКАК]. Tiflis, 1873. T. IV. pp. 559, 630–631, 671, 679, 891–892.

5. АКАК. [АКАК]. Tiflis, 1873. T. IV. pp. 722–723, 731–732.

6. Dubrovin N.F. History of war and sovereignty of Russian in the Caucasus. In 6 t. [Istorija vojny i vladychestva russkih na Kavkaze]. SPb., 1887. T. V. pp. 29.

7. Kolosov L.N. The Russian-Chechen relations at a boundary of the XVIII-XIX centuries. «Great October and the advanced Russia in historical destinies of the people of the North Caucasus». [Russko-chechenskie otnosheniya na rubezhe

XVIII-XIX vv. // Velikij Oktjabr' i peredovaja Rossija v istoricheskikh sud'bah narodov Severnogo Kavkaza]. Grozny, 1982. pp. 309.

8. Murtazayev A.O. A Kaytag sky utsmiystvo in system of political structures of Dagestan in XVIII – XIX t. [Kajtag skoe ucmiystvo v sisteme politicheskikh struktur Dagestana v XVIII – nach. XIX v.]. Makhachkala, 2007. pp. 146.

9. The adoption of Russian sovereignty in the Caucasus: By century of accession of Georgia to Russia. [under the editorship of Potto V. A.] [Utverzhenie russkogo vladychestva na Kavkaze: K stoletiju prisoedineniya Gruzii k Rossii. [pod red. Potto V. A.]. Tiflis, 1901. T. 3. pp. 1, 79.

10. Feodayeva F.Z. The Russian-Dagestan relations in the second half of XVIII-the beginning of the XIX century. [Russko-dagestanskie otnosheniya vo vtoroj polovine XVIII- nachale XIX v.]. M., 2008. pp. 245.

Рецензенты:

Мирзабеков М.Я., д.и.н., профессор, ведущий научный сотрудник отдела новой и новейшей истории Дагестана Института ИАЭ ДНЦ РАН, г. Махачкала;

Кидирниязов Д.С., д.и.н., профессор, ведущий научный сотрудник отдела древней и средневековой истории Института ИАЭ ДНЦ РАН, г. Махачкала.

Работа поступила в редакцию 10.12.2012.